

Юрий Меркеев

История одного преступления

Достоевский — великий писатель, он дружил со... Львом. Я писатель маленький, поэтому держу дома кошку.

Юрий Меркеев
История одного преступления

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17805041

ISBN 9785447457778

Аннотация

Эта история может напомнить любой детектив, с одной лишь разницей: мой герой-антигерой болен психически. Поэтому мир в его голове перевернут...

История одного преступления Юрий Валентинович Меркеев

© Юрий Валентинович Меркеев, 2016

ISBN 978-5-4474-5777-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
1.

Для худосочного и неврастенического юноши Льва Ко-рюшкина, студента-медика, заканчивающего пятый курс ин-ститута и собирающегося проходить интернатуру в психо-неврологической клинике, женитьба была тем спаситель-ным для карьеры шагом, благодаря которому молодым ме-дикам позволительно было самим при распределении выби-рать место работы. Лишь бы, как говорится, «заказчики» были не против. Единственное, что, по мнению его строгой и властной мамы Людмилы Львовны, необходимо было сроч-но предпринять – это женить сына. Да и сам Лев Николаевич был не против жениться – без особенных чувств, без огня страстей, помутнения рассудка, – жениться на какой-нибудь серенькой скромной девушке, как на условии к первому ка-

рьерному шагу. Что ж поделаешь – не испытал еще юноша той волнующей игры ума и души, которая всегда протестует против рассудочного цинизма. Да и мама – строгая, властная и влюбленная в сына до безумия, не хотела допустить в семью женщину, которую сын мог бы поставить на пьедестал наравне с нею. Левушку она воспитывала с малолетства одна после жуткого «предательства» мужа, который повесился в ванной и оставил подленькую записку: «Виновной в смерти считаю свою жену-ведьму!» Записку Людмила Львовна сожгла, похоронила злодея в одной могиле с его матерью; пришлось при этом слегка приплатить кладбищенским работникам, однако так она смогла расщитаться за все обиды, которые ей нанесли когда-то муж и свекровь; пусть хоть на том свете узнают, что значит обижать гордую женщину!

Внешне Левушка являл собой тип человека, именуемого в просторечии «ботаником». Замученный жестокой любовью мамы, книжными знаниями, зажатый условностями внешних приличий пай-мальчик, он легко краснел и робел от посторонней грубости, будь то прокуренный бас шофера автобуса, напоминающий о присутствии в общественном транспорте контролера, или окрик базарной торговки, навязывающей посетителям рынка свой товар. И внешне был мало симпатичен – такие обычно девушкам не нравятся. Высок, но нескладен, болезненно худ; кожа на лице была усеяна мелкими прыщиками, длинный нос был с горбинкой; глаза, которые он стремился все время от людей прятать, смотрели

на мир нерешительно и тревожно, как у человека с нечистой совестью. Впрочем, учился молодой человек хорошо и с детства дружил с соседской девчонкой Валею Нестеровой, которая уважала в Корюшкиных природный ум, интеллигентность, тихость, которую нередко путают со скромностью. Сама Валя была, что называется, из «простых»: папа и мама у нее работали на заводе, она же мечтала когда-нибудь поступить в педагогический институт, а пока работала нянечкой в ясельной группе «Колокольчика». Ей немного льстило, что за ней ухаживает будущий врач, впрочем, назвать действия Льва Николаевича ухаживаниями можно было лишь с большими погрешностями. Но когда на работе заходил разговор о ее личной жизни, Валентина всегда напускала на себя томный вид и начинала со вздохами объяснять подругам, как тяжело в наше время приходится медикам, которые вынуждены работать на две, а то и на три ставки.

Ухаживал за ней Левушка как-то и в самом деле странно: никогда не встречал ее после работы, не дарил цветов, никогда не приглашал в гости к своим редким друзьям-медикам. Приблизительно раз в месяц он являлся к ней домой в костюме и галстук, преподносил ее маме конфеты и полдня молча сидел на диване в маленькой комнате. Со стороны могло показаться, что он ходит в гости к Екатерине Васильевне, а не к Вале. Отец девушки, Николай Степанович, не понимал Корюшкина и не знал, о чем с ним говорить. Однажды завел было разговор о медицинском спирте, о его полезном

влиянии на организм. Лева, сам не пьющий и, более того, зло осуждающий всех пьяниц на свете, шутку Николая Степановича не понял, и разговор, только начавшись, тут же затих. После этого случая Валин папа перестал обращать внимание на дочкина ухажора, игнорировал его, как рабочий человек с завода может игнорировать... грязь на своих мозолистых руках, старался вообще не примечать Льва Николаевича. Мог, – и это было не раз, – прошлепать при госте в одних трусах босиком в ванную, выругаться вслух матом. По большому счету он не принимал всерьез субтильного Левушку, который, по его же словам, «не был добытчиком и мужиком» и часто с горечью думал о том, что когда-нибудь этот «вьюноша-лапша» станет его зятем.

Как-то раз перед Новым годом Николай Степанович и вообще разозлился на Левку за то, что тот не вмешался в его ссору с дочерью, когда он с сильного похмелья хотел выпить бутылку шампанского, стоявшую до времени в холодильнике, а Валентина вырвала ее у него из рук и спрятала в комнате. Дескать, шампанское дорогое, марочное, подарок Корюшкина. Негоже, мол, такое тонкое по аромату вино пить с грубого самогонного похмелья. Николай Степанович усмотрел в словах дочери пренебрежение к себе, простому русскому мужику-работяге, поскандалил, разбил посуду, почему-то обвинил Вальку в «жидовстве» и, послав всех к чертовой бабушке, ушел к соседям за самогоном. Потом, когда вспоминал об этом эпизоде, нехорошо улыбался, особенно когда в па-

мяти всплывало перекошенное от страха лицо молодого человека. «Это ж надо, так испугаться?! Баба, не мужик, – глухо смеялся Николай Степанович. – Цыпленок табака... лапша недоваренная!»

А между тем за два месяца до распределения Лева, наконец, созрел – решил и предложил Валентине выйти за него замуж. Предварительно он, разумеется, посоветовался с матушкой, которая со спокойной душой благословила его на брак. В семье Корюшкиных почти все решалось с оглядкой на «капэдэ», коэффициент полезного действия. «Капэдэ» женитьбы сына был очевиден: после окончания института Леву не отправят в какую-нибудь деревню, а жениться ему рано или поздно все равно пришлось бы. На горе и счастье матери.

...

Людмила Львовна нанесла визит Нестеровым. Николай Степанович, против всех ожиданий, вел себя сдержано и даже как-будто великодушно. Видно было, впрочем, что он слегка нервничал, потому как находился не в привычном ему состоянии хмельной радости. Заметно было и то, что ему физически неловко было в белой нейлоновой рубаше с накрахмаленным воротничком и туго затянутом галстуке. Впрочем, Людмила Львовна показалась ему человеком простым. «Нормальная, не заносчивая, зря я о ней плохо думал», – ре-

шил он. Свадьбу назначили на первую неделю июня. Договорились сыграть ее сначала в кафе «Здравушка», а на следующий день – у Корюшкиных или у Нестеровых дома. Деньгами сложились поровну. Лев Николаевич пообещал организовать видеосъемку. Свадебное платье с рюшечками и кружевами у Валентины было припасено заранее. Большой страсти Лев к своей невесте не испытывал. Испытывал он странную смесь из желания физической близости с женщиной и одновременно какой-то нервической брезгливости от того, что ЭТО приходилось делать без каких бы то ни было эмоций – все равно, что лечь в постель с одушевленной куклой. Если бы не распределение и страх оказаться в деревне, он бы оттягивал свою женитьбу как можно дольше. У «выюноши» было много страхов, и в какой-то степени именно они, порой, определяли ломаную линию его жизни. В школе он боялся плохих отметок, поэтому делал все возможное, чтобы их не получать. В институте боялся ярких красивых студенток, поэтому делал все возможное для того, чтобы не оказаться с ними где-нибудь случайно рядом. Лев боялся крови, поэтому нацелил свое внимание на психиатрию и неврологию. Иными словами, многое из того, что он делал в жизни, имело один источник – страх... страх почти гротесковый, метафизический, рожденный из глубины темного тревожного детства, из которого отчетливо отпечаталось в памяти лишь страшная гибель отца, давящая опека мамы, которую она почему-то всегда со слезами и заламыванием рук

называла материнской жертвенной любовью, больше и выше которой ничего нет.

Однажды он посмотрел по телевизору фильм «Островок», короткометражную ленту о самоубийстве влюбленного юноши, у которого на глазах сильный и дерзкий уголовник изнасиловал невесту, а юноша по природной трусости ничего не сумел сделать и вынужден был униженно глядеть на зверя в образе человеческом, встретился взглядом с немим упреком в глазах поруганной девушки, не выдержал угрызений совести и бросился в море. После «Островка», который острым ножом пронзил ранимую психику Корюшкина, юноша стал панически бояться уличных хулиганов. Доходило до того, что он отворачивался и убегал, если от него требовалось участие в разрешении того или иного уличного конфликта. А ночами снилось из темного детства, и он вздрагивал и просыпался в холодном поту с остатками мучившего кошмара... Ему лет пять-шесть. К торцу дома, в котором он жил, примыкала небольшая лужайка, скрытая от взрослых глаз, «островок свободы и непослушания». Маленьким детям там гулять запрещалось, но иногда Федька-бандит, соседский мальчишка, которому было уже пятнадцать и который курил и пил, сманивал Леву перелезть через заграждение и хоть ненадолго оказаться на запретной территории. Однажды Федька поймал во дворе крохотного котенка, приласкал его и, подойдя к Леве, шепотом приказал идти за ним на лужайку.

– Я кое-что возьму и приду, – прибавил Федя. И Ко-

рюшкина вдруг отшатнуло от странного или, точнее сказать, страшного выражения лица хулигана. Лева подчинился и, пока ждал Федора, мороз у него пробежал по коже и ноги слабели от дурного предчувствия. Наконец, на лужайке появился Федор. Лицо у него было бледное, на губах играла странная кривая ухмылка, волосы были взъерошены, а глаза лихорадочно горели. В руке он держал большой строительный ржавый гвоздь. Хулиган подошел к мальчику, вытащил из-за пазухи дрожащего, ничего не понимающего котенка, и, боязливо озираясь по сторонам, произнес: «Сейчас мы будем его хоронить. Но сначала посмотрим, что у него внутри.» Не в силах шевельнуться, Лева молча наблюдал за действиями старшего. Он вроде бы понимал, что сейчас будет совершаться на его глазах страшное преступление, но какое-то убийственное магическое чувство придавливало его к земле, так, словно убивать будут его, а не жалкое слабенькое беззащитное существо, которое было в руках злодея. Примерно такое же чувство у него было тогда, когда Федор впервые взял его с собой на крышу пятиэтажного дома. У него захватило дух. Федор несколько раз ударил котенка по голове, тот начал дергаться, завертелся на одном месте, из крошечного носика потекла кровь, а Федор с каким-то остервенением все наносил и наносил удары до тех пор, пока котенок не затих. Потом остановился, перевел дух, вытер со лба капельки пота и торжествующим взглядом, который Лева, кажется, запомнил на всю жизнь, посмотрел на малыша.

– Видишь, это мозги, – указал Федор на разбитую голову котенка. – А теперь быстро закапывай.

Мальчик очнулся и стал лихорадочно рыть землю руками. Ему хотелось поскорее что-нибудь сделать. Когда котенка закопали, Лева не выдержал и расплакался, а затем бросился на Федора с кулаками. Силы были не равны, и мальчик вернулся с прогулки домой избитый и в слезах. Выслушав историю сына, Людмила Львовна повела себя странно: она нисколько не осудила преступление Федора, успокоила Леву какими-то дежурными фразами и вдруг сообщила мальчику о том, что мечтает видеть его будущим хирургом, а врачи, сказала она, не должны бояться крови.

Но страх из темного детства теперь стал являться и в настоящем, из которого незаметно и быстро слагалось будущее. Страх оказаться персонажем фильма «Островок». Страх оказаться лицом к лицу с хулиганами...

Страх был липкий, отвратительно пахнувший, сопровождающийся холодком под сердцем и ноющей болью в груди.

Позже под влиянием этого страха, вывалившегося за пределы обыденности, долго взращивал мечту приобрести пистолет, но, когда подумал, что будет с ним, если он угодит в тюрьму, то испытал такой ужас, что сразу отказался от этой фантазии. Странность его характера, а, точнее, болезненность натуры, заключалась в том, что убить человека единожды и навсегда он не боялся – он боялся человека, как ис-

точника проблем, и... убил бы, если бы это было возможно, но если бы об этом никто не узнал, включая господ бога, которого Корюшкин не признавал, не любил, и... наверное, убил бы тоже, если б смог, как источника проблем. Такова была болезненная натура Льва Николаевича.

2.

Свидетелем на свадьбу был приглашен Володя Караваев, тоже студент-медик, с которым Лев Корюшкин учился в параллельных группах. Караваев был полной противоположностью Корюшкина. То был симпатичный, румяный, широкоплечий богатырь с громовым голосом и повадками бесстрашного, а в некоторых случаях и нагловатого человека. Володя был человек открытый, и если что-то предпринимал, то никогда не вдохновлялся мелкими тайными помыслами, что называется «изнанкой души», а все делал без стеснения, широко. Если он, к примеру, прогуливал лекции, то не придумывал, в отличие от Левушки, какие-нибудь сверхуважительные причины, типа – «пытался применить полученные знания для того, чтобы унять предделириозное состояние своего дяди» или что-нибудь в этом роде. Караваев всегда говорил правду. Самым ошеломительным его оправданием было: « Не мог смириться с заявлением профессора о том, что человек состоит из шести главных частей... прямо как на мясном рынке. Человек – это явление целостное, его нельзя рассматривать по частям.» Смеху тогда в аудитории бы-

ло столько, что профессор даже не обиделся на Караваяева и тут же простил ему эту дерзость. А студенты потом дразнили Володю: «Целостно-мудреный ты наш.»

Корюшкин пригласил Володю опять же из-за страха: вдруг со стороны невесты выкинут что-нибудь этакое, оригинальное, начнут приставать, к примеру, с выкупами?! Лева терпеть не мог все эти глупые розыгрыши, всегда раздражался по причине того, что не мог сходу подобрать шуточные слова для разрядки ситуации, а вытащить из кармана купюру и тупо сунуть ее в руки ряженных – без купюры останешься и все. А Корюшкин намеревался после свадьбы купить автомобиль. В этом он видел единственный плюс от всех свадебных церемоний. «Так уж и быть, готов потерпеть ваши глупости, – тихо высвечивал его плутоватый и высокомерно-презрительный взгляд. – Если вы подарите мне достаточно денег и не станете особенно досаждать.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.